

Дин Лейпек

ДРАКОН ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

КНИГА III

Дракон должен умереть

Дин Лейпек

Дракон должен умереть. Книга III

«1С-Публишинг»

2020

Лейпек Д.

Дракон должен умереть. Книга III / Д. Лейпек — «1С-Пабблишинг», 2020 — (Дракон должен умереть)

Дин Лейпек — псевдоним молодой талантливой писательницы из Москвы. В её активе романы, стихи, рассказы, литературные блоги. В 2017 году Дин Лейпек выиграла конкурс «Фантастический прорыв» с книгой «Это всё придумали люди», выпущенной издательством «Флюид Fri-Fly». Автор является также призёром конкурса рассказов «Далёкий-далёкий космос», проведённого издательством «1С-Пабблишинг». Трилогия «Дракон должен умереть» — героическое фэнтези, где сплетаются любовная, приключенческая и философская линии, придавая циклу редкостную для жанра глубину. Предлагаем заключительную книгу трилогии. Вас ждёт долгожданная развязка истории. Непросто быть особой, приближённой к монарху. С одной стороны, влияние на властителя очень велико, с другой — сложно позволить себе даже простое человеческое счастье. С драконом внутри можно жить вечно, но при этом потеряешь себя. Поэтому дракон всё же должен умереть!

Содержание

Честность	5
Я буду звать тебя Джоэл	14
Только через мой труп	21
Глаза и мысли	28
Просто так	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дин Лейпек

Дракон должен умереть. Книга 3

Честность

Королева сидела под деревом и молчала. Она сидела так уже очень долго – но это никого не удивляло. В последнее время королева все время сидела и молчала. Все уже успели привыкнуть к этому.

После того как армия пересекла страшные выжженные поля под Бронсдли, пересекла необычайно тихо и быстро, как будто все как один мечтали только о том, чтобы поскорее покинуть это место, лорды посоветовались и решили, что армии нужно встать где-нибудь лагерем и определиться с дальнейшими действиями. Идти дальше не было смысла. Насколько им было известно, под Бронсдли были собраны все силы имперцев.

Они пытались узнать у королевы, что она думает по поводу их плана, но она занималась только тем, что сидела и молчала – в седле во время переходов и на земле во время стоянок. Лорды несколько раз пытались вывести ее из этого состояния, разговорить или отвлечь – но в конце концов Лексли приказал всем оставить королеву в покое. «Рано или поздно она придет в себя», – заметил он. И добавил: «Наверное».

Они вернулись к Стетхоллу. Командование разместилось в самом городе, но королева не поехала с ними и осталась в лагере вместе с армией. Большой разницы, впрочем, не было. Она продолжала сидеть и молчать – не все ли равно, где именно она будет это делать?

Поэтому уже вторую неделю королева смотрела на тягучую воду в реке, которая медленно проходила мимо нее, постоянно увлекая за собой расплывчатое отражение города и неизменно оставляя его на месте. Уже много дней здесь не было ни души – и потому королева, возможно, несколько удивилась, когда услышала за спиной звук шагов. Можно было обернуться и посмотреть, кто это – но в этом не было никакого смысла. Не имело никакого значения, кто сейчас шел к ней.

Шаги остановились слева от нее – достаточно было слегка повернуть голову, но королева не шелохнулась. Человек постоял в нерешительности, а потом с тяжелым вздохом поставил что-то на землю.

– С этим надо завязывать, – спокойно заметил Бертрам. Королева слегка поморщилась, но по-прежнему не пошевелилась. Голос Бертрама неприятно резал слух, разрушая мягкую равнодушную тишину.

– Держите, – бросил шпион и протянул ей что-то. Она невольно скосила глаз. Это была жестяная кружка, в которой плескалась мутная темная жидкость. Запахло спиртным.

– Мне нельзя пить, – голос королевы был хриплым, а слова неприятно цеплялись за язык, как шершавые камушки.

Бертрам хмыкнул:

– Надо полагать, другие сильнодействующие средства тоже отпадают?

Королева на это раз не удостоила его ответом.

– Но, с другой стороны, – задумчиво продолжил шпион, – так тоже оставлять нельзя. Значит, ничего не остается...

Он вдруг резко наклонился – с почти невероятной для его комплекции скоростью – и ударил ее кулаком по скуле, не сильно, но точно. Королева потеряла равновесие и покатилась по крутому травянистому склону. Он не дал ей остановиться, поймал за ворот кафтана, рывком подтащил к поросшему осокой краю и окунул головой в воду. Королева уже достаточно пришла в себя, чтобы попробовать отпихнуть его, но он стоял сзади, вне досягаемости ее рук. Тогда

она с силой рванулась, вынула голову из реки, вывернувшись на месте, вырываясь из его хватки, и тут же ударила ногой под колени. Он качнулся и упал в воду. Здесь было неглубоко, но вся река заросла водорослями. Бертрам неловко выбрался на берег и сел, стирая с лица воду и тину. Королева лежала на спине, тяжело дыша, и не спускала с него глаз. Он заметил это и сердито фыркнул:

– Я больше не собираюсь ничего делать, – раздраженно проворчал Бертрам. Королева прикрыла глаза.

Они долго лежали, наконец Бертрам, тяжело сопя, поднялся. Королева тут же вскочила следом. Шпион вскарабкался по крутому склону, поднял с земли кружку и отпил большой глоток. Закашлялся.

– Бертрам, – спросила королева совершенно спокойно. – Это что было?

Шпион пожал плечами.

– Мне нужно было как-то привести вас в чувство. Я не собираюсь торчать в этом городе и ждать, когда вы снизойдете до общения с нами, простыми смертными.

Королева слегка поморщилась.

– Я сейчас иду обратно в город, – заметил шпион. – Вы со мной?

Она кивнула.

Когда они вошли в большую комнату, служившую для командования столовой, все присутствующие удивились дважды. Первый раз – когда увидели королеву, а второй – когда заметили, в каком виде были она и вошедший вслед за ней Бертрам.

– Лексли, – тихо проговорила королева, а вода все стекала с ее волос на спину и грудь. – Когда мы доберемся до столицы и меня наконец коронуют – напомни мне, чтобы я вручила Бертраму орден первой степени.

Все уставились сначала на нее, потом на Бертрама. Тот очень пытался скрыть самодовольную ухмылку на мокром лице, но получалось у него это с трудом.

– А теперь, – продолжила королева, – не говорите мне ничего. Завтра утром мы все обсудим. Баррет, – позвала она Баррета-младшего, – здесь еще осталась какая-нибудь приличная комната?

– Конечно, ваше величество. Пойдемте...

Когда они ушли, Ордей недовольно посмотрел на Бертрама и проворчал:

– Проклятие, Бертрам. Что ты с ней сделал?

– Двинул в челюсть и окунул в воду, – спокойно ответил шпион.

– Что?! – воскликнули одновременно Ордей, Лексли и Баррет-старший.

– Что слышали, – отрезал Бертрам. – Не думаю, что вообще стоило это вам рассказывать.

Лорды ошарашенно смотрели на него. Наконец Кеттерли негромко хмыкнул.

– Все-таки ты везунчик, Бертрам. Ударить королеву по лицу может любой дурак – но только ты умудряешься получить за это орден, а не плаху и топор.

Бертрам очень серьезно покачал головой.

– Ударить, безусловно, может любой дурак. Но вот выбрать для этого правильный момент способен далеко не каждый.

Длительная стоянка армии под Стетхоллом имела, как обычно это бывает, и хорошие, и дурные последствия. С одной стороны, солдаты получили возможность как следует отдохнуть, и это резко улучшило настроение среди как рядовых, так и командования. Однако по той же самой причине дисциплина неизбежно страдала. Все чаще солдаты уходили в самоволку, все больше было случаев пьянства, драк и разгулов. Поэтому никто особенно не удивился, когда на окраине лагеря одним вечером появился передвижной бордель.

Никто не стал бы из-за этого поднимать шум или устраивать разбирательство – в конце концов, солдаты тоже люди, и это куда лучше, чем шуровать по окрестным деревням, – если бы не королева. Было совершенно непонятно, что она могла думать по этому поводу, и никому не хотелось быть первым, кто услышит мнение королевы. Попытаться же скрыть сам факт появления борделя было бесполезной затеей, потому что от королевы вообще ничего нельзя было скрыть.

О пополнении лагеря восьмью очаровательными особами женского пола королева узнала на следующее утро после их появления. Как обычно, она внезапно возникла из ниоткуда прямо перед ярко расписанными фургонами, надписи на которых в завуалированной, но доходчивой форме просвещали, чем именно занимаются путешествующие в них особы. Надписи обещали всевозможные удовольствия – впрочем, их общий тон, как и характер графического исполнения, отличался вкусом, редко встречающимся у представительниц этой профессии. Королева изучала надписи, задумчиво проводя пальцами по губам. В это мгновение тент одного из двух фургонов отодвинули в сторону – и из него на землю прыгнула невысокая женщина в очень строгом мужском костюме, с гладко зачесанными темными волосами и серьезным лицом. Королева еле заметно приподняла брови. Персонаж явно был из какой-то совсем другой истории.

Женщина заметила королеву и тут же присела в очень глубоком и одновременно грациозном реверансе:

– Ваше величество.

Изумление королевы росло с каждой минутой – хотя оно почти не отражалось на ее лице.

– Кто вы такая? – спросила она строгую женщину.

– Клара Бринн, ваше величество. Хозяйка этого странствующего... – тут женщина оглянулась на фургоны и скептически осмотрела их, – странствующего борделя. Назовем вещи своими именами.

Королева слегка усмехнулась.

– По правде сказать, госпожа Бринн, вы похожи на бордель-маман, как... как я – на королеву, – закончила она, усмехаясь еще шире.

Клара Бринн ответила поклоном.

– Я надеюсь, – спросила она вежливо, – вы не против того, что я и мои барышни здесь остановились, ваше величество?

– О нет, – ответила королева легко. – Чувствуйте себя как дома.

Клара поклонилась еще раз, а когда она подняла голову, королевы уже нигде не было видно.

Бордель на колесах был следующим шагом Клары на пути к осуществлению своей мечты. В условиях военного времени предприятие показалось ей выгодным – еще и потому, что очень много девушек в результате царящего хаоса оказались без дома и работы. Первые несколько недель Клара проводила суровый отбор – и теперь могла гордиться своим коллективом. Все ее «барышни» подавали большие надежды – в каждой из них было что-то, что всегда позволяло Кларе брать с клиентов чуть больше.

Она нашла много подходящих кандидаток – но не стала привозить с собой всех, опасаясь, что затея может провалиться, а эвакуировать восемь человек – совсем не то же самое, что пятьдесят. Но разговор с королевой обещал самую благоприятную почву для ведения бизнеса, и скоро бордель Клары превратился в самостоятельную часть лагеря, со своими правилами, законами – и дисциплиной, куда более строгой, чем та, что поддерживалась среди солдат. В

этом вопросе Клара была особенно тверда. «Наше дело, говорила она, – не разврат, а удовольствие». «Барышни» не спорили. Спорить с Кларой было бесполезно.

Как и в Стетхолльском публичном доме, который она оставила (не без опасений) под управлением Мари, Клара жила совершенно отдельной жизнью. У нее был собственный фургон, стоявший чуть в стороне, – и, хотя она и отслеживала все, что происходило с ее персоналом, никому из солдат никогда не приходило в голову обратиться к ней, как к остальным дамам. Более того, они все неизменно именовали ее «госпожа» – и в их голосе всегда звучало уважение, а не издевка.

Как и раньше, Клара ложилась на рассвете и вставала после полудня. Всю ночь она бдительно следила за тем, чтобы на ее территории царил порядок, после чего шла спать с тем, чтобы днем заниматься постоянно возникавшими хозяйственными вопросами.

Через неделю после разговора с королевой Клара возвращалась в предрассветных сумерках к своему фургону и заметила стоявшую рядом с ним высокую фигуру. Клара слегка напряглась. Даже в полутьме она не могла не узнать, кто это.

Ни Клара, ни ее работницы никогда не оказывали услуг женщинам. «Это не наш профиль», – вежливо, но твердо говорила Клара – потому что и такой спрос тоже существовал, и нужно было что-то отвечать, не рискуя при этом репутацией заведения. И, будь сейчас перед ней любая другая женщина, Клара безо всяких колебаний сказала бы то же самое. Но перед ней, как ни крути, была королева. Клара не была уверена, что королеве можно отказать.

Она медленно подошла, стараясь, чтобы ее лицо ничего не выражало. Было еще слишком темно, чтобы сама она могла разглядеть лицо королевы – но Клара хорошо знала все истории.

– Я не помешаю? – спросила королева.

– Нисколько, ваше величество, – вежливо ответила Клара.

Наверное, ее голос все-таки звучал напряженно, потому что королева тут же добавила:

– Не пугайтесь. У меня на вас покушение самого невинного толка.

На этот раз Клара безукоризненно владела и лицом, и голосом.

– Я к вашим услугам, ваше величество.

– Поговорите со мной, госпожа Бринн, – попросила вдруг королева, и Клара с удивлением поняла, что это действительно звучало как просьба. – Я тысячу лет не говорила с женщиной.

Клара ответила не сразу.

После того, как Бертрам вскользь упомянул про королеву и Генри, эта мысль не давала ей покоя. Она стала внимательнее прислушиваться к тому, что рассказывали о королеве, сопоставила эти рассказы с тем, что знала о Генри...

Принцесса Джоан последние несколько лет пропадала неизвестно где. А Генри искал свою жену, которой было то ли четырнадцать, то ли шестнадцать лет. Королева умела превращаться в дракона. Генри умел говорить с драконами.

«Но если все так, – думала Клара, – то почему ты не здесь, Генри? Не рядом со своей женой, которую так хотел найти?»

Королева ждала ее ответа.

– Конечно, ваше величество, – наконец медленно проговорила Клара, глядя в ее холодное, надменное лицо.

Становилось все светлее, глаза Клары уже могли различить и фургон, и поляну вокруг него. Королева опустила на землю возле одного из колес и откинулась на него спиной. Кларе показалось, что она выглядела уставшей.

– Могу я предложить вам вина?

– Нет. Благодарю.

На горизонте медленно проступала тонкая, еще мертвенно-бледная полоса.

Клара неуверенно стояла рядом с королевой. Она не знала, можно ли в ее присутствии сидеть.

– Вы позволите?..

– Конечно. Садитесь.

Клара опустила у другого колеса. У нее было настойчивое ощущение нереальности всего происходящего.

– Спасибо, – сказала королева тихо. Повисла неловкая пауза.

– О чем бы вы хотели поговорить, ваше величество? – спросила наконец Клара.

– Я не знаю, – покачала королева головой. – Кажется, даже просто сидеть рядом с человеком, который не ждет от меня решения всех проблем, – уже большое облегчение.

Клара усмехнулась:

– Как это знакомо.

Королева внимательно посмотрела на нее.

– Почему вы решили заняться всем... этим? Вам и впрямь такое занятие, кажется, не сильно подходит.

Клара снова усмехнулась:

– Я коплю на осуществление своей мечты.

– И о чем же вы мечтаете, госпожа Бринн?

– Открыть свою гостиницу. Чистую, респектабельную гостиницу, – добавила Клара, как будто оправдываясь.

Королева слегка прищурилась.

– И для этого вы каждый вечер выгоняете этих девушек? – спросила она жестко. – Зарабатывать на свою мечту?

– А вы не гоните солдат на смерть – защищать свою власть? – спокойно парировала Клара.

Королева как будто бы слегка смутилась. Потом неожиданно улыбнулась:

– Вы мне нравитесь, Клара Бринн.

Клара промолчала. Едва ли стоило говорить королеве, что она ей совсем не нравилась.

Вероятно, лицо опять выдало ее – поскольку королева тут же спросила:

– Что вы думаете обо мне?

Клара ответила не сразу. Наконец решилась:

– Это правда – то, что о вас говорят?

– Смотря что обо мне говорят, – спокойно заметила королева.

Клара глубоко вздохнула.

– Говорят, – медленно начала она, – что вы видите в темноте. Говорят, что вам не страшен ни жар ни холод. Говорят, вы сильнее, быстрее и выносливее любого человека на земле. Говорят, – добавила Клара очень тихо, – что это вы сожгли имперскую армию под Бронсдли.

Королева медленно повернулась к ней, и в оранжевом свете нового утра ее глаза отливали древним золотом.

– Значит, вот что обо мне говорят? – спросила королева таким голосом, что на одно короткое мгновение Кларе стало страшно.

Она молча кивнула. Королева отвернулась и как будто глубоко задумалась. Следовало держать язык за зубами – но любопытство пересилило:

– Это правда? – повторила Клара свой вопрос.

– Отчасти, – усмехнулась королева и снова посмотрела на нее. – Спасибо, госпожа Бринн.

– За что, ваше величество?

– За честность.

Клара снова только кивнула, глядя, как оранжевая полоса медленно превращается в красное зарево между горизонтом и скучными тонкими серыми облаками. Глаза неумолимо слипались – если бы не этот безумный разговор, она давно бы уже спала.

От королевы снова ничего не ускользнуло.

– Я не буду больше вам мешать, – сказала она, легко и быстро подымаясь. Клара тоже встала – хотя у нее это и не получилось так же бодро. – Еще раз благодарю.

С этими словами королева ушла – как обычно, бесшумно исчезнув, – и первый луч солнца вырвался из-за горизонта.

Проснувшись на следующий день, Клара долго лежала, вспоминая вчерашний разговор с королевой. Он вызывал у нее очень противоречивые чувства, и Клара была далеко не уверена, захочет ли она такое повторить – но это, как оказалось, ей не грозило. В тот же день ближе к вечеру в лагерь прибыл запыхавшийся и запыленный гонец на взмыленной и еще более запыленной лошади, а на следующий день лагерь охватили лихорадочные сборы. Клара быстро поняла, что к чему, и дала барышням команду потихоньку сворачиваться. Можно было, конечно, двинуться вместе с армией, и заработать на этом еще немного – но Клара была достаточно умна, чтобы этого не делать. К тому же армия оставляла позади множество раненых. А раненые – те же солдаты, только с кучей свободного времени.

Королевская армия покинула окрестности Стетхолла, фургончики Клары переместились в окрестности лазарета – она снова привычно оценивала риски, прибыль, издержки и непредвиденные расходы, когда однажды утром ей пришло письмо. Клара внимательно посмотрела на печать, покачала головой, вскрыла его. Оно оказалось весьма немногословным.

«Госпоже Бринн – для исполнения мечты».

В письме лежал сложенный в несколько раз вексель. Клара медленно развернула его.

– Да здравствует королева, – прошептала она тихо, глядя на цифры, выведенные крупным ровным почерком.

Бертрам привык, что королева всегда заявлялась к нему в шатер без спроса, причем заявлялась неожиданно и нагло, всякий раз выводя его из себя этой показухой. Он пытался намекнуть, что ему такое положение дел не нравится, – но без особого успеха. Потом она его вообще чуть не придушила, задушив при этом всякое желание спорить – а затем случилось Бронсдли, после которого все изменилось. И все это чувствовали. Но Бертрам никогда бы не подумал, что изменилось настолько.

В тот день он получил вести от южной границы. Плохие вести. Бертрам уже собирался пойти разыскивать королеву – но, подходя к шатру, увидел у входа ее саму. Королева не спряталась внутри, не выпрыгнула на него из темноты, не окликнула со спины – стояла, как все нормальные люди, на виду, так что ее высокую фигуру было заметно издали. Бертрам удивился. И насторожился. Подошел к королеве, склонил голову в легком поклоне – и окончательно изумился, услышав вопрос:

– Мы можем поговорить?

Он даже не сразу вспомнил, что нужно поднять голову.

– Бертрам? Ты уснул? – окликнула она его чуть резче, и он почти с облегчением вздохнул – это была королева. Не подменили.

– Разумеется, ваше величество, – кивнул он, откидывая полог и жестом приглашая ее войти.

Внутри Бертрам, на мгновение помедлив, направился к оставленным с прошлой ночи бутылки и кубку. Кубок был один, и он обернулся к королеве – но она покачала головой до того, как он успел спросить.

– Вы никогда не пьете? – не удержался он.

– Никогда.

Бертрам кивнул, налил себе. Королева опустилась в небольшое кресло, которое он специально завел у себя на случай ее визитов, ему остался табурет.

– Я слушаю, ваше величество, – сказал он, когда молчание стало слишком затягиваться.

– Нам нужно поговорить, – тихо произнесла королева, и Бертрам мог бы съязвить, что об этом уже догадался, – но он видел ее глаза и понял, что она имеет в виду. И она была права.

Им нужно было поговорить. Честно. Без недосказанностей и двусмысленностей. Он понял это после Бронсдли, понял, что против нее нельзя играть, даже немного. Только вместе.

И для этого нужно было все рассказать.

Ну или почти все.

– Я так понимаю, – проговорил Бертрам, отпивая глоток и глядя королеве в глаза, – я первый?

Она кивнула.

Он снова отхлебнул, поморщился, и, не отрывая взгляда от вина на дне кубка, начал:

– Я подослал к вам Гаррета Уилшоу. Приказал ему, чтобы он постарался... втереться к вам в доверие. Так близко, как это возможно. Я часто использовал его раньше, когда нужно было искать расположения у женщин, у Гаррета был большой опыт и ни одной неудачи. Но с вами не получалось. Во всяком случае, я так считал.

Он рискнул поднять глаза – слишком любопытно было увидеть выражение ее лица. Королева усмехнулась – грустно, но не зло.

– Я догадалась, – сказала она спокойно.

– Тогда?..

Она покачала головой.

– После. Когда ты стал слишком внимательным и заботливым.

Бертрам недоверчиво нахмурился.

– Окувание головой в реку считается теперь излишней заботой?

– Да, – королева снова усмехнулась.

Бертрам снова опустил взгляд на дно кубка. Да, с ней стоило быть честным.

– Продолжай, Бертрам. Это ведь не все.

Он вздохнул.

– С момента нашей встречи я состою в переписке с Уорсингтоном. И сам посоветовал ему до последнего скрывать в столице вести о вашей армии. Разумеется, слухи появились довольно быстро – но только как слухи. Официально о вашем возвращении объявили только после Бронсдли.

– Почему ты это посоветовал?

– Я не знал, чем все закончится здесь, – Бертрам снова посмотрел королеве в глаза. – И не знал, почему вы сами объявились не в столице. Дело же было не в том, что Лексли оказался на тот момент ближе, верно?

– Верно. А ты бы на моем месте куда направился?

– К Лексли, – не раздумывая ответил он.

Королева с улыбкой сделала жест рукой, как бы говорящий «вот видишь».

– Но у меня есть опыт в подобного рода делах, – возразил Бертрам. – У вас, насколько мне известно – нет.

– Нет, – согласилась королева. – У меня вообще опыта очень мало. Но зато я отлично умею делать вид, что он у меня есть.

Бертрам вопросительно приподнял брови. Королева улыбнулась.

– Я не умею управлять страной. Командовать армией. Ходить в разведку. Я даже не умею фехтовать, – она улыбнулась еще шире.

– Но... – Бертрам вспомнил «Хильду» королевы, рассказы о том, как она сражалась под Бронсдли...

– Я не умею фехтовать, – повторила она. – Знаю некоторые приемы, позиции, правильные движения и шаги. Все то, чему можно выучиться за несколько месяцев. Но я – не фехтовальщик. Просто там, где обычным людям нужно мастерство, я использую скорость и силу. Требуется ли большой талант, чтобы победить в бою улитку?

Бертрам молчал. Честный разговор обещал открыть ему больше, чем все попытки подобраться к королеве до того.

– И это опьяняет. Быть сильнее всех, быстрее всех. Заставать врасплох в темноте, бесшумно подкрадываться. Вселять страх.

Бертрам внимательно смотрел на лицо королевы – так похожее на лицо брата и одновременно совершенно другое.

– Но вчера ночью я наконец узнала, как выгляжу в глазах других, – она провела пальцами по тонким губам. – Когда услышала самые последние слухи о себе.

– Какие слухи?

– Что я в облике дракона сожгла армию имперцев.

Бертрам удивленно смотрел на нее.

– Но ведь это правда, – возразил он.

– Нет.

– Но вы сами сказали, что армии там нет!

– Потому что оттуда она уже успела убраться! Как думаешь, с какой скоростью люди будут улепетывать от извергающего огонь дракона?

Бертрам переваривал ее слова.

– А сожженные поля? – осведомился он наконец.

– Нужно же было что-то сжечь, – сухо заметила королева.

– И армию вы не трогали?

– Нет.

– По какому же поводу вы страдали там, у реки?

– По поводу смерти человека, в которого ты очень хотел меня влюбить, – усмехнулась королева. – Я ведь молодая девушка, Бертрам, забыл?

Бертрам снова промолчал – чтобы не выругаться ненароком.

– Знаешь, что меня поразило? – тихо спросила королева. – Не то, что вы так обо мне думали. То, как легко вы это приняли – как само собой разумеющееся. Я вдруг поняла, какой образ сложился у вас в голове. И как много я приложила усилий, чтобы он стал именно таким.

Бертрам посмотрел на дно кубка – там было пусто. Он налил себе еще вина и сделал большой глоток.

– Если армия уцелела, то у меня плохие новости, – сказал он наконец, взглянув на королеву. Она приподняла тонкие брови.

– Сегодня я узнал, что к столице направляется еще одна армия. Если эта уцелела, они в скором времени встретятся и пойдут вместе.

– Сколько?

– Не меньше пятнадцати тысяч.

Теперь королева долго молчала.

– Ты считаешь, что я должна была их сжечь? – спросила она наконец глухо.

Бертрам ответил не сразу. Он понимал, что от его ответа зависит весь исход этого разговора. Очень важного разговора.

– Я считаю, – медленно проговорил он, – что у нас есть проблема. И нам нужно придумать, как ее решить.

Королева слегка усмехнулась.

– Ты не сказал главного, Бертрам, – она слегка прищурилась, и он снова напрягся, зная, что она спросит. – Зачем ты здесь?

– Чтобы решать проблемы, – ответил он, стараясь, чтобы голос звучал невозмутимо. И это было правдой. Почти.

Я буду звать тебя Джоэл

Гасу с самого начала не нравилась эта идея. В конце концов – он всего лишь портной. Подмастерье портного, если уж быть точным. Его дело – отмерять и отрезать. Семь раз отмерять – и семь раз отрезать, потому что времени на излишнюю внимательность всегда не хватало. А в последние дни в их мастерской его не хватало катастрофически.

И вот теперь, вместо того чтобы мерить и резать, он должен был ехать на линию фронта, на самую что ни на есть передовую, чтобы передать письмо от мастера Ститча, причем лично в руки королеве. Гас был сильно не в восторге. Уже одно только путешествие казалось средоточием всех возможных несчастий. На дорогах – мародеры, в деревнях – испуганные крестьяне. В лесах – патрули. Гас мысленно рисовал себе десяток картин своей гибели, каждый раз, впрочем, не лишая их героического, а порой и романтического оттенка. И вот наконец он добрался, но вместо теплого ужина и крепкого сна в награду за все его лишения (большей частью вымышленные, но все же), он стоял почти в полной темноте под проливным дождем. Мило.

Когда Гас прибыл в лагерь королевы, ему, разумеется, пришлось пройти все возможные мытарства, которые только выпадают на долю предполагаемого лазутчика. Его обыскали с головы до ног, обругали не меньше, и только потом отвели к молодому знатному мужчине из командования. Тот, услышав, от кого и к кому приехал Гас, пригласил проследовать за ним. Они шли по лагерю, пробираясь между костров и обозов, и наконец пришли к огромному, роскошному шатру, с золотыми кистями на входе и жизнерадостным флажком наверху. Гас уже собирался войти, но офицер свернул в сторону, обошел шатер и остановился у невзрачного вида палатки, которая, наверное, могла бы называться шатром, если бы не стояла под боком у своего величественного соседа. Мужчина осторожно заглянул внутрь, потом повернулся к Гасу:

– Никого нет. Боюсь, придется вам подождать здесь.

Гас с недоверием покосился на палатку.

– Но, сударь, у меня послание к самой королеве...

– Я знаю, – ответил мужчина несколько удивленно. – Вот и ждите ее.

– Здесь?.. – не выдержал Гас, но тот уже ушел.

Вокруг не было ни души, даже свет от костров был заслонен громадным шатром справа. Пошел дождь, и Гас мгновенно промок насквозь. Он уже подумал о том, чтобы вернуться и найти кого-нибудь более толкового, как вдруг заметил фигуру слева, в тени деревьев. Человек подошел к Гасу, и при слабом свете угасающих сумерек он увидел, что это была женщина.

Гас знал, что в армию иногда брали женщин. Он мало размышлял об этом раньше, но сейчас ему почему-то пришло в голову, что такое положение дел – очень неправильное. Нечего бабам делать на войне.

Подошедшая женщина была довольно высокой, ростом с Гаса. Темные мокрые волосы доставали ей до плеч. Она была одета в тунику того же неопределенно серого цвета, что и палатка, почерневшую на плечах от воды, плотные темные штаны и очень высокие сапоги, достававшие почти до бедра. Гас профессиональным взглядом сразу заметил разительный контраст между невзрачной простой одеждой и очень дорогой обувью.

Женщина внимательно смотрела на Гаса. У нее были усталые глаза, которые бы можно было назвать большими, если бы не слабый прищур, скрывавший отчасти их выражение.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она тихо, но очень отчетливо.

– Жду королеву, госпожа, – ответил Гас вежливо. Судя по тону женщины, она была отнюдь не из рядовых.

– По поводу?

– У меня для нее письмо.

– От кого?

Гас на мгновение замялся, но внимательные глаза женщины не давали соврать.

– От мастера Ститча.

– О, – ее лицо слегка оживилось. – Идем, – и с этими словами она прошла мимо него к палатке и, слегка пригнув голову, исчезла внутри. Гас немного постоял, не зная, что ему делать, наконец пожал плечами и последовал за ней. Внутри, по крайней мере, должно было быть не так мокро.

Обстановка палатки соответствовала внешнему виду – кроме узкой койки и дорожного сундука, внутри не было ничего. Дождь громко барабанил по ткани над головой. Впрочем, Гас мог выпрямиться внутри почти в полный рост, задевая потолок только там, где он провис от скопившейся воды. Женщина шлепнула рукой по потолку, отчего по стенам с шумом обрушились потоки, и повернулась к Гасу с выжидающим видом.

– Ну? – она протянула руку.

– Что? – не понял он.

– Письмо.

– Простите, сударыня, но мне велено отдать его лично королеве, – пробормотал Гас, инстинктивно потянувшись рукой за пазуху и проверяя, на месте ли письмо.

Женщина раздраженно вздохнула и вдруг в одно мгновение подскочила к Гасу. Он не успел ничего понять, но в следующий момент она уже распечатывала письмо, сидя на кушетке. Гас возмущенно рванулся к ней, но она подняла на него глаза, и он замер на месте.

– Это письмо для королевы! – воскликнул он, не смея подойти, но и не в силах сдерживать себя.

Она как-то странно на него посмотрела, потом снова опустила взгляд на письмо.

– Не волнуйся, – сказала она тихо. – Мне позволено читать всю ее корреспонденцию.

Гас продолжал стоять на месте, гневно сопя, пока женщина проглядывала письмо. Несмотря на свое возмущение, он все же удивился тому, что женщина может что-то прочитать в таком полумраке. Сам он с трудом мог различить ее лицо.

– Отлично, – заметила женщина так же тихо, дочитав письмо, резко встала и тут же вышла из палатки. Гас поспешил за ней. Он твердо решил не спускать с письма глаз. Было непонятно, какую такую секретную информацию может содержать письмо от его мастера, но Гасу откровенно не нравилась эта женщина и то, как она себя вела.

«Возможно, она замышляет заговор против королевы, – подумал он, пытаясь поспеть за быстрыми шагами женщины, – и, может быть, я именно тот, кто сумеет его предотвратить...»

Женщина обогнула большой шатер и безо всяких колебаний вошла внутрь. У Гаса немного отлегло на сердце. Возможно, она просто прочитывает все письма прежде, чем отдавать их королеве? Вдруг это наперсница ее величества, доверенное лицо? Это объясняло близость палатки к королевскому шатру.

Женщина скрылась за пологом, завешивающим вход, и Гас, не раздумывая, вошел следом. В отличие от палатки, в которой было еще темнее, чем на улице, шатер был ярко освещен изнутри, пол устлала шкура, а посередине стоял громадный стол, заваленный картами и прочими бумагами. С одной стороны стояло высокое зеркало – настоящее зеркало в позолоченной раме, а с другой – огромная кровать с балдахином. И на этой кровати сидел толстый мужчина в исподнем. Гас страшно смутился и хотел было бежать вон, чувствуя, что его глаза созерцают нечто совершенно неподобающее, но беглый взгляд на женщину убедил его, что в данной картине, по крайней мере, нет ничего удивительного.

– Бертрам, – спокойно сказала она своим странным тихим голосом. – У мастера Ститча все готово.

Пока она говорила, мужчина встал с постели и накинул на себя халат тяжелого бархата. У Гаса опять возникло нехорошее предчувствие. По всей видимости, он – фаворит королевы. Но что, если этот Бертрам на самом деле в сговоре со странной женщиной, и они вместе замышляют переворот или еще что-нибудь в этом духе?

– Откуда вам это известно? – спросил Бертрам недоверчиво.

– Он прислал письмо вот с этим очаровательным юношей, – женщина невозмутимо кивнула на Гаса, как будто его присутствие здесь было само собой разумеющимся. Гас слегка зарделся и попытался расправить сутулые плечи. Переворот переворотом, но ему было приятно.

Бертрам смерил Гаса взглядом и слегка фыркнул.

Снаружи раздались шаги, и в шатер вошел тот самый молодой мужчина, который проводил Гаса к палатке. «Третий в сговоре», – внезапно мелькнула догадка у портного.

– Моя королева, – молодой мужчина повернулся к женщине и низко наклонил голову. – Хорошо, что я застал вас здесь. Вас разыскивал какой-то молодой человек с посланием от мастера Ститча, – тут он заметил Гаса и слегка кивнул ему. – А, вы уже здесь. Передали письмо?

Гас издал неопределенный сдавленный звук и начал бегать глазами от молодого мужчины к Бертраму, затем к женщине – и дальше по кругу. Женщина – а точнее, королева – вздохнула и слегка усмехнулась.

– Не расстраивайтесь, – заметила она спокойно, похлопывая по плечу Гаса, пока тот судорожно ловил ртом воздух. – Вы не первый, кто допускает эту досадную ошибку.

– Вам не приходило в голову, моя королева, что имеет смысл все-таки несколько изменить свой... облик, так сказать? – ехидно спросил Бертрам. – Во избежание ошибок.

– Приходило, – согласилась королева серьезно, а затем снова усмехнулась. – Но иногда же нужно как-то развлекать себя, не правда ли?

– Знаете, что учинила эта пигалица?!

Джеймс, лорд Гелленхорт, ворвался в кабинет регента, размахивая письмом. Его острое лицо было искажено злобной гримасой.

Уорсингтон и Генри одновременно обернулись к нему. Регент при этом нахмурил густые брови, а Генри...

Генри в очередной раз попробовал не реагировать никак.

Получилось, как обычно, не очень.

– О ком речь, Джеймс? – осведомился Уорсингтон.

– О нашей, Тьма ее забери, королеве, – прошипел Гелленхорт.

Генри глубоко вздохнул.

– Мы со дня на день ждем, когда к столице подойдут имперцы, – продолжал Джеймс, – а знаете, чем занимается она со своей армией?

– Чем?

– Заказывает тряпки!

– Что? – не понял Уорсингтон, хмурясь еще сильнее.

– Джеймс злорадно усмехнулся.

– Вместо того чтобы прийти к нам на помощь, она заказала две тысячи белых плащей и знамен. И ждала, пока их сошьют.

Брови Уорсингтона превратились в сплошную линию. Генри старался сделать так, чтобы его лицо ничего не выражало – как обычно надеясь, что это его спасет.

Как обычно, не спасло.

– Что скажешь, Теннесси? – Гелленхорт повернулся к Генри. – Ты же, говорят, большой поклонник королевы.

– Кто говорит? – спокойно уточнил Генри.

– Люди. Не уходи от вопроса. Одобряешь ее стратегию?

Генри внимательно посмотрел на Гелленхорта.

– Я предпочитаю не оценивать то, на что никак не могу повлиять. И тебе, Джим, не советую. Вредно для здоровья.

– Какой же ты трус, – презрительно скривился Гелленхорт. – Впрочем, как и всегда.

Уорсингтон напрягся – потому что увидел стальной блеск в глазах Теннесси.

– Осторожнее, Джим, – пробормотал Генри. – Я давал обет королю, которого давно нет в живых. И в любой момент могу решить, что он больше не имеет силы.

– Ха! И я должен этого бояться? Тебя, который уже почти десять лет не держал в руках меча? Ты хоть помнишь, с какого конца его берут?

– Помню, Джим, – голос Генри звучал ровно – но глаза стали еще жестче. – Такое не забывается.

– Довольно, – вмешался Уорсингтон, будто ненароком делая шаг вперед и вставая между Генри и Гелленхортом. – Спасибо, Джеймс. Это важные новости.

Тон регента намекал, что разговор на этом окончен. Гелленхорт кинул последний злой взгляд на Генри, прошипел что-то, к чему тот предпочел не прислушиваться, и покинул кабинет так же стремительно, как до того влетел в него.

– Генри, – тихо позвал Уорсингтон, когда дверь за Гелленхортом захлопнулась, – он знает, что ты тренируешься с Харли-Оксборном?

– А должен? – невозмутимо отозвался Генри.

Регент нахмурился.

Как бы ни не хотелось это признавать, но Генри был в глубине души согласен с Гелленхортом. Понять, почему королевская армия не спешила им на помощь, когда они так отчаянно в ней нуждались, было сложно. Генри пытался придумать объяснение и оправдание этому – и не мог.

Он не хотел верить, что королева просто решила оставить столицу на откуп врагу. Джоан не могла так поступить. Во всяком случае, та Джоан, которую Генри знал. Но вот знал ли он королеву?

Прошло почти три года. За это время все могло измениться – она могла стать совершенно другим человеком. Что будет, когда он ее встретит? Узнает ли ее вообще? И чем дольше Генри думал об этом, тем больше ему казалось, что промедление королевской армии – не так уж и плохо. Во всяком случае, для него, Генри.

Так он размышлял в течение двух дней после сообщения Гелленхорта. А потом крессы подошли под стены Риверейна, и Генри окончательно согласился с Джеймсом.

Было бы очень неплохо, если бы королевская армия была сейчас здесь.

Он сидел, привалившись спиной к каменному парапету. Время от времени Генри поворачивался к узкой бойнице и смотрел вниз, но там все было тихо. «Уснули наконец, – подумал он равнодушно, но тут же задумчиво усмехнулся. – А ведь странно – днем мы яростно убиваем друг друга, а ночью спим друг у друга под боком, как лучшие друзья. И никто никого не трогает».

Прошел третий день штурма. Он был значительно спокойнее, чем два предыдущих, поскольку первый заряд энтузиазма у имперцев закончился, и они начали методично и неспешно готовиться к затяжной осаде города. Почти весь день нападавшие провели вне досягаемости стрел, сыпавшихся на них со стен при малейшем приближении. Генри был и рад этому, и одновременно странное неприятное чувство не давало ему покоя. Вот и сейчас, вместо того чтобы спать, он сидел и смотрел вниз – как будто там могло быть что-нибудь интересное.

Справа послышался тихий стон, тут же перешедший в ровное сопение. Генри глянул туда – лежавший в нескольких шагах от него мальчик завозился, устроился поудобнее и снова погрузился в глубокий сон.

Генри встретил его за день до того, как имперцы подошли к городу. Шел по стене, в который раз все проверяя и перепроверяя, и заодно пытаясь подбодрить угрюмых солдат, не спускавших глаз с облака пыли вдаль, – и тут увидел на стене Джо. Генри чуть не упал от неожиданности, с трудом удержал равновесие, ошалело посмотрел снова – но теперь на месте Джо оказался лишь мальчик лет тринадцати, худой, нескладный и до смерти напуганный. Он был одет в форму королевских стрелков и держал большой, почти с него ростом лук обеими руками, как будто без этого мог упасть. Раздалась команда. Последние две недели на стенах каждый день тренировались стрелки – внизу были расставлены соломенные чучела, призванные изображать пеших и конных. Над чучелами хорошо постарались городские умельцы – однако после нескольких дней непрекращающегося обстрела чучела полностью утратили свой первоначальный вид, и теперь напоминали предполагаемых нападающих разве что размером, да и то не всегда. Особенно печально выглядела одна из соломенных лошадей – что-то в ее искалеченной позе всякий раз заставляло Генри отводить взгляд.

Стрелки по команде взяли луки и наложили стрелу на тетиву. Генри следил за мальчиком. Тот долго не мог вытащить стрелу, которая цеплялась оперением за остальные, потом несколько раз уронил ее, прежде чем попасть хвостовиком на тетиву. Когда все уже выстрелили, он еще только собирался натянуть лук – и неизвестно, получилось бы у него это, поскольку большие луки требовали недюжинной силы при натяжении. Снова раздалась команда. Мальчик начал с большим трудом отводить правую руку, пальцы сорвались, и стрела безвольно упала со стены вниз. Мальчик беспомощно проводил ее взглядом.

– Что ты тут делаешь? – спросил Генри, бесшумно подойдя сзади. Мальчик вздрогнул и испуганно обернулся. На Генри уставились огромные серо-зеленые глаза.

– Идем, – приказал Генри. Мальчик смотрел на него, судорожно сжимая лук рукой.

– Положи лук и идем со мной, – повторил Генри спокойно, но твердо. Мальчик послушался, все еще не отводя взгляда. Генри взял его за плечо – рука чуть дрогнула оттого, каким знакомо-худым оно оказалось, – и повел мальчика по стене.

– Ойстер, – окликнул Генри одного из горцев, когда они дошли до Уэйдских ворот. – У тебя не завалилось где-нибудь никому не нужной семидесятки?

Горец слегка нахмурился:

– У нас сейчас нет ненужных луков. Но я могу одолжить вашей светлости. А что случилось с вашим?

– Это не мне. Вот этому юноше.

Ойстер смерил мальчика спокойным пронизательным взглядом.

– Он же из королевских стрелков. У них точно полно ненужного оружия.

– Ойстер, посмотри на него. Понадобится двое таких, как он, чтобы натянуть их лук.

– Так может, ему вовсе нечего на стенах делать?

Генри повернулся к мальчику. Ойстер был, разумеется, прав. Но Генри до смерти нужно было сделать наконец что-нибудь разумное, доброе и вечное – например, помочь нескладному подростку поверить в себя. Занятие это было благородным, бессмысленным и увлекательным –

то есть представляло собой полную противоположность тому, чем Генри занимался в последнее время.

– Ойстер, я точно знаю, что у тебя есть лук. Так что просто дай его. Пожалуйста.

Горец пожал плечами и ушел внутрь одной из двух башен, стоявших над Уэйдскими воротами. Вернулся он с луком – легким оружием с пронзительно изящным изгибом композитных плеч. Генри кивком поблагодарил его и снова повернулся к мальчику.

– Что ты тут делаешь?

Мальчик молчал.

– Ты знаешь, что я могу тебя прямо сейчас посадить под замок?

Мальчик судорожно кивнул.

– Хорошо. Я не стану этого делать, если ты объяснишь мне, что ты делаешь на стенах, где тебе совсем не место.

Мальчик шмыгнул носом, вытер его рукавом и что-то неслышно пробормотал.

– Что? – переспросил Генри. Ойстер с интересом наблюдал за ними.

– Я хотел научиться стрелять из лука.

Генри слегка поморщился.

– А ты не думал попросить кого-нибудь хотя бы объяснить, как это делается?

Мальчик помотал головой.

– Подойди сюда. Не бойся, я не съем тебя. Держи. Эту руку сюда, вот так. Расслабься, не напрягай ее раньше времени. Ойстер, дай нам стрелу, будь так добр. Возьми стрелу. Не торопись и не волнуйся. Наклони лук немного вправо, тогда она не будет падать. Хорошо. Теперь возьми тетиву двумя пальцами. Нет, не надо натягивать. Просто положи пальцы. Молодец. Нет, в Ойстера мы целиться не будем, он нам еще нужен. В окна дома тоже лучше не стрелять. Ойстер, можешь подпереть дверь в башню, чтобы из нее никто случайно не вышел? Спасибо. Видишь почти посередине дыру от сучка? Это и будет твоя мишень. Подними лук. Выпрями руку. Дыши спокойнее. Теперь самое главное – прицелься сейчас, до того, как начнешь натягивать лук. Потом шанса исправиться уже не будет. Готов? Натягивай, спокойно и уверенно. Дальше, еще дальше. Еще дальше. А теперь – отпускай! Слишком резко. Отпускать тетиву нужно быстро, но при этом нежно и ласково, как будто... Хм. Как будто кошку гладишь. Давай еще раз. Ойстер, дай нам еще одну стрелу, пожалуйста. Накладывай. Наклони лук. Хорошо. Прицеливайся. Натягивай и... Отлично! Ты видишь? Дверь поражена в самое сердце – а с той стороны, кажется, кто хочет пройти, так лучше нам опустить лук и открыть ее. Здравствуй, Хадсон.

Седой горец недоверчиво посмотрел на улыбающегося Генри. С момента их приезда в Риверейн он еще не разу не видел лорда Теннесси в таком хорошем настроении.

– Ваша светлость, – склонил голову Хадсон, но Генри уже снова повернулся к мальчику.

– Теперь, когда ты научился стрелять из лука, – сказал он уже серьезно, без тени улыбки, – дай мне слово, что ты сейчас же спустишься со стен и больше на них не поднимешься – хотя бы ближайšie несколько лет.

Мальчик снова смотрел на Генри своими огромными глазами. Тот предпочел решить, что это было согласие, кивнул Хадсону и Ойстеру и пошел обратно – но почти сразу услышал зади шаги.

– Ваша светлость!

Генри обернулся. Мальчик догнал его.

– Разрешите мне остаться с вами.

– Нет.

– Я не буду стрелять. Я не буду сражаться. Просто разрешите мне остаться.

– Не хочешь возвращаться домой? – догадался Генри.

Мальчик только кивнул.

– Старший брат засмеет?

– Сестра, – мрачно поправил мальчик. – Она говорит, что все мужчины готовятся защищать город, и только я один дома сижу.

Генри мысленно выругался, но вслух только сухо заметил:

– Почему бы ей самой тогда не пойти на стены? Раз она такая решительная?

– Так она уже тут, – удивленно ответил мальчик.

– В смысле тут?

– Я вместе с ней пошел в королевские стрелки.

– Она же девушка. Как они ее взяли?

– Она переделалась мальчиком. И волосы состригла.

– Ничего себе у тебя сестра.

– Да уж, – совсем мрачно пробормотал мальчик, глядя себе под ноги.

Генри слегка усмехнулся:

– Ну хорошо. Раз у тебя в семье все такие бойкие – оставайся, – мальчик вскинул на него глаза, большие и блестящие. – Как тебя зовут?

– Джо.

На этот раз Генри посмотрел на мальчика широко раскрытыми глазами.

– Как? – медленно переспросил он, пытаясь вспомнить, как вдохнуть.

– Джо, – немного удивленно ответил мальчик. – То есть мое имя Джоэл, но все зовут меня Джо...

– Я буду звать тебя Джоэл, – наконец с трудом сказал Генри, делая глубокий вдох, и затем добавил, уже спокойнее: – Ты достаточно взрослый, чтобы называть тебя полным именем.

Джоэл следовал за Генри повсюду, вполне заменяя собой тень, отсутствующую ввиду пасмурной погоды. Победа над сестрой явно была одержана – во время обхода стены он заметил паренька с очень нежной внешностью, пристально следящего за ними, и краем глаза успел увидеть Джоэла, исполненного такого чувства собственного превосходства, что было совершенно непонятно, как он еще не лопнул.

А на следующий день имперцы появились под стенами города, и всем стало не до шуток. Несколько раз Генри сурово отсылал Джоэла прочь – но мальчик лишь мотал головой, не спуская своих огромных глаз с происходящего вокруг. Наконец Генри махнул на него рукой – в конце концов, у него и без того хватало забот.

Они выдержали тот день. Когда солнце село, имперцы отошли от города на безопасное расстояние. Наступила тишина – странная, тяжелая и пустая одновременно, непривычная после пульсирующего в ушах шума сражения. Джоэл попросился проведать сестру – и очень быстро вернулся. Оказалось, что ее ранили, и она лежит дома.

– Хочешь к ней? – просто спросил Генри.

Джоэл кивнул и почти сразу исчез. Весь следующий день его не было, к большому облегчению Генри, которого накануне не отпускала мысль, что если с мальчиком что-то случится, то это будет на его совести. Однако сегодня ближе к вечеру Джоэл объявился снова. Сестре было лучше, рана оказалась нестрашной и только злила ее, потому что лишала возможности в ближайшее время стрелять из лука. Джоэл устал от ее раздражения и решил вернуться обратно. Генри не стал отсылать его. На стенах все было тихо.

Теперь Джоэл спал неподалеку, глубоким, спокойным сном, чистым и нетронутым, как свежесвыпавший снег, а Генри сидел и время от времени смотрел вниз. Но все было тихо.

Только через мой труп

Они ошиблись насчет затяжной осады. Имперцы готовились не к ней – они готовились к новой атаке, еще более яростной, чем в первый день.

К полудню Генри сбился со счета.

Когда два дня назад армия подошла к стенам города, когда вперед выступили первые шеренги, и Хадсон отдал приказ приготовиться, Генри решил, что должен считать. Допустим, ему не удалось сдержать свою клятву, и убивать придется – но он хотя бы будет знать сколько. И помнить.

Но в первый день он не брал в руки оружия – в этом не было нужды. Командование обороной занимало все его время, участвовать самому не пришлось – Генри не знал, испытывает ли облегчение или отвращение от того, что прикрывается чужими руками.

На второй день и третий день все повторилось – и Генри понадеялся, что, быть может, клятву удастся сдержать. Да, он решил снова взять меч, он тренировался с Чарльзом – но ведь дело было не в этом.

На четвертый день стало ясно, что ничего не получится.

А к полудню он сбился со счета.

– Мастер Генри!

Тонкий голос прорезал шум и гвалт, разнесся над лязгом и скрежетом. Генри резко обернулся.

Джоэл бежал к нему по стене, с истинно детским умением проскакивая между защитниками города.

– Я велел тебе!.. – начал Генри грозно, но мальчик замотал головой.

– Меня прислал ваш слуга.

– Ленни?

– Да.

– А сам он прийти не мог?

– Он побежал к лорду регенту.

– Зачем?

– Лорд Гелленхорт с отрядом едет к Дернбийским воротам.

– К Дернбийским?.. – недоуменно переспросил Генри. Зачем Джиму туда? Самый защищенный участок стены, имперцев там не было...

Он вздрогнул.

– Хадсон! – крикнул Генри. Горец подбежал к нему. – Командование на тебе. Я к Дернбийским воротам. Джим едет туда.

Хадсону понадобилось мгновение, чтобы понять.

– Сколько человек тебе нужно?

Генри повернулся к Джоэлу.

– Сколько человек в отряде?

– Двадцать.

Генри на мгновение задумался.

– Дай мне шестерых, Хадсон. Там ведь у ворот кто-то еще должен быть?

– Кто-то должен, – горец выразительно посмотрел на Генри. Тот выругался. Снова посмотрел на мальчика.

– Беги домой к своим. Запритесь и будьте готовы. Услышите шум в городе – прячьтесь. Все ясно?

– Зачем прятаться? – не понял Джоэл.

– Я не уверен, что успею остановить Гелленхорта до того, как он откроет имперцам ворота.

Глаза мальчика расширились, он кивнул и помчался к лестнице.

А Генри с шестью горцами побежал по стене.

Наверное, если бы Ленни сейчас замерял время, он бы смог подтвердить, что еще никогда Генри не бежал так быстро.

Но Ленни не было, никто не замерял время, и Генри казалось, что он движется убийственно медленно. Вдобавок, стены не пустовали, пробираться по ним было все сложнее – они спустились в город и побежали по переулкам, опустевшим, с запертыми дверями и закрытыми ставнями. Гул сражения звучал здесь приглушенно, как шторм в прибрежном лесу.

Они выбежали на Дернбийскую улицу перед самыми воротами – и на мгновение Генри почувствовал облегчение. Ворота все еще были закрыты, отряд вывернул из-за поворота далеко на южном конце улицы.

Их было двадцать человек, как и сказал Джоэл. Верхом, в доспехах, со знаменем дома Гелленхортов.

Генри глянул вверх. Со стен и из бойниц башен выглядывали люди. Сюда, на этот самый защищенный участок стен, отправили резерв, всех непригодных, нерадивых, никчемных. Генри и Хадсон решили, что стены нигде не должны оставаться без защиты – но ставить хороших бойцов на Дернбийские ворота, очевидно, Хадсон не стал.

Кто бы мог подумать, что их тоже придется всерьез оборонять.

Генри с горцами взлетели по лестнице на стену.

– Кто здесь главный? – спросил он, с трудом восстанавливая сбитое на бегу дыхание.

– Ну, я, – раздался нерешительный голос.

Генри присмотрелся. Лицо выступившего вперед немолодого мужчины не вселяло надежд. Тот, в свою очередь, заметил герб на доспехе Генри и быстро исправился:

– Десятник Файн, ваша светлость.

Десятник. Главный. Генри вздохнул. Подошел к внешней стороне стены и выглянул в бойницу. Прямо под стенами никого не было – но на расстоянии полумили, на склоне холма, стоял отряд. Очень небольшой.

Совершенно достаточный, чтобы дойти до Южных ворот и открыть их нападающим.

«Что они тебе пообещали, Джим?» – подумал Генри грустно.

– Десятник Файн, – позвал он «главного». – Видите отряд во-о-он там? – Генри указал за стены.

Файн кивнул.

– А видите отряд во-о-он там? – Генри подвел десятника к другой стороне стены и показал на улицу.

Файн нахмурился:

– Да, ваша светлость. Это же лорд Гелленхорт?

– Да. И, если я не ошибаюсь, он собирается сдать город.

Десятник Файн побелел.

– Ваша светлость, но ведь лорд Гелленхорт – главнокомандующий силами города?

Генри внимательно посмотрел на десятника.

– Да, – спокойно согласился он. – Вы собираетесь подчиниться его решению?

Файн помотал головой.

– Я попробую уговорить его этого не делать, – продолжил Генри. – Но, если мне это не удастся, – тогда дело за вами. У вас кто-нибудь умеет сносно стрелять?

– Трое, ваша светлость. И я, – не без гордости добавил десятник.

– Этого достаточно, – кивнул Генри и подозвал к себе старшего из горцев. – Это Йорк, он будет командовать лучниками. На людях Гелленхорта тяжелые доспехи – но из ваших луков на таком расстоянии можно пробить.

Файн побледнел еще больше и кивнул.

Йорк распределил лучников вдоль деревянного ограждения возле колонн. Генри мрачно усмехнулся.

«Почему никто не подумал, что стены иногда нужно оборонять изнутри?»

Он поставил двоих из десятки Файна у входа в башню, где находился подъемный механизм, и отошел с остальными кверху лестницы.

Отряд подъехал и остановился в паре десятков шагов от ворот, часть всадников спешила. Генри сразу заметил Гелленхорта – тот был в парадных доспехах, перья плюмажа покачивались над блестящим шлемом с поднятым забралом.

– Кто здесь главный? – громко спросил Гелленхорт. Генри взял лук и вышел на верхнюю ступень лестницы, помахал свободной рукой.

– Привет, Джим.

Гелленхорт скривился.

– Ты должен оборонять стену у Южных ворот, Теннесси.

– Пришлось отвлечься, – Генри смотрел на Гелленхорта, но краем глаза следил за всем отрядом. Он видел, как рука парня в самом дальнем ряду легла на арбалет. Если Гелленхорт даст условный знак – первую стрелу получит он, Генри.

Но он должен был попробовать поговорить.

– Я – главнокомандующий обороной города, – процедил Гелленхорт. – И я приказываю тебе вернуться на свою позицию, Теннесси.

Генри усмехнулся:

– А если я не послушаюсь?

Гелленхорт долго смотрел на него. Затем повернулся к одному из своего отряда и сказал что-то вполголоса. Тот кивнул, повернулся к отряду и отдал приказ. Всадники начали спешиваться, те, у кого были щиты, вышли вперед.

«Хреново», – подумал Генри. Он заметил, что арбалетчик в заднем ряду отошел за выступавший угол ближайшего дома.

– Я все равно открою ворота, Теннесси, – громко сказал Гелленхорт, опуская забрало и прикрываясь собственным щитом с большим гербом.

– Только через мой труп, – отозвался Генри – и тут же отпрыгнул назад. Стрела, выпущенная из арбалета, врезалась в колонну, поддерживающую крышу галереи, перед которой он только что стоял.

Горцы на стене среагировали мгновенно – несколько человек в заднем ряду тут же упали. Остальные подняли щиты над головой и побежали к основанию лестницы.

Генри отошел на несколько шагов в противоположную от башни сторону и опустился на одно колено у ограждения – отсюда его не мог достать арбалетчик, скрывавшийся за углом. Нападавшие достигли основания лестницы и начали подниматься, закрываясь щитами от лучников, обстреливавших их сверху.

Сзади они представляли собой идеальную мишень.

После двух стрел, выпущенных Генри, нападавшие поняли, что попали под перекрестный огонь, и отступили, сомкнув щиты над головой. Гелленхорт громко выругался и пробежал к лестнице мимо них. Генри опустил лук – из него доспех Гелленхорта было не пробить даже на таком расстоянии.

И он все еще не хотел стрелять в Джима.

«А какая разница?» – вкрадчиво спросил ехидный голос внутри. Но ответить самому себе Генри не успел – сзади раздались шаги. Он обернулся – вовремя, потому что здоровенный детина из отряда Гелленхорта, добежавший, по всей видимости, до следующей лестницы, уже занес топор. Генри откатился в сторону, топор детины застрял в толстых деревянных перилах, заставив того замешкаться. Генри вскочил на ноги – но второй нападавший, прибежавший вместе со здоровяком, бросился на него с коротким мечом. Генри инстинктивно отклонился назад, наткнулся спиной на ограждение, не удержал равновесия и упал вниз.

Генри умел падать. Это спасло его при побеге из замка Заур – он успел правильно сгруппироваться. Но городские стены были слишком низкими, чтобы приготовиться – Генри неудачно приземлился на правую ногу, подвернул ее, и рухнул на колено, разбив его о торчащий из брусчатки булыжник. Слепленный и оглушенный ударом, он упал на бок. От лестницы доносились крики и звон оружия. Генри заставил себя подняться, игнорируя боль в лодыжке и колене. Защитники стены отступали под натиском Гелленхорта, люди из его отряда поднимались следом, воодушевленные успехом своего предводителя. Генри не знал, что случилось с теми двоими, что напали на него. Падения Генри никто, по всей видимости, не заметил.

Он поднял лук и стрелы, которые высыпались из колчана на поясе. Выпрямился, прицелился, выстрелил. После третьего выстрела последние в шеренге на лестнице обернулись и увидели Генри. Они побежали на него – но оба получили по стреле со стены. Генри продолжил обстреливать лестницу. Гелленхорт пробивался наверх – мощным ударом он смел со ступеней одного из защитников. И в то же мгновение Йорк, стоявший на несколько ступеней выше, огрел Гелленхорта по голове тем самым топором, которым до того пытались зарубить Генри. Шлем выдержал удар – но Гелленхорт, видимо, оглушенный, слегка покачнувшись, неловко взмахнул рукой, пытаясь удержать равновесие, – и с грохотом рухнул спиной на брусчатку. Меч и щит вылетели у него из рук.

Люди из его отряда замерли в нерешительности, глядя на распростертого на земле рыцаря. Их осталось пятеро. На мгновение все замерли – а затем нападавшие побежали прочь от стены. Им вдогонку неслись стрелы.

Генри медленно подошел к Гелленхорту. Тот неловко поднимался на ноги, трясая головой. Потянулся рукой к застежке, расстегнул, сорвал с головы шлем. По правой щеке Джима потекла струйка крови.

Гелленхорт кинул взгляд на стены, на лучников, державших его на прицеле. Усмехнулся, зло посмотрев на Генри.

– Ну и что, Теннеси? Прикажешь им пристрелить меня?

Генри ничего не ответил. У его ног лежал меч, оброненный одним из убитых нападавших. Гелленхорт тоже заметил его. Прищурился, облизнул губы.

– Или, может, все-таки сделаем это? Только ты и я?

– Они не дадут тебе открыть ворота, Джим, – мягко сказал Генри. – Даже если ты убьешь меня.

– Плевать, – бросил тот. – Ворота ты отбил, молодец, Теннеси. Докажи теперь, что ты не трус.

Генри снова посмотрел на меч у своих ног. Колено и лодыжка начали наливаться свинцовой тяжестью.

«Самоубийство, – подумал Генри устало. – То, что я сейчас собираюсь сделать, – это самоубийство».

Он наклонился к мечу – и в тот же миг раздался свист и удар.

Генри резко выпрямился.

Стрела, пробившая доспех, торчала у Гелленхорта из груди.

– Трус, – прошептал тот. Улыбнулся – и рухнул на землю.

Генри медленно обернулся и встретился глазами с десятником Файном, державшим в руке тяжелый лук королевских стрелков. На стене стояла абсолютная тишина.

– Отличный выстрел, – сказал наконец Генри, кивнув десятнику. Тот склонил голову в ответ.

Генри обернулся к Гелленхорту. Тот лежал на земле, уставив застывший взгляд в небо. На губах так и осталась счастливая улыбка.

– Закройте ему глаза, – негромко попросил Генри. – Он не хотел бы, чтобы это сделал я.

Йорка и трех горцев, уцелевших в драке с Гелленхортом, Генри оставил у Дернбийских ворот – на всякий случай, а сам поковылял вдоль стены на юг. Колено и лодыжка ныли при каждом шаге все сильнее, но Генри упрямо пытался не обращать на это внимания. Ему необходимо было снова оказаться в гуще событий, где мысли превращались в реакции и рефлексy, а решения принимались слишком быстро, чтобы приходилось выбирать...

– Мастер Генри! – раздался пронзительный крик сверху. Генри запрокинул голову. Джоэл свешивался через перила галереи.

– Мастер Генри, вас все ищут! Там...

– Джоэл! – перебил его Генри. – Я велел тебе бежать домой и спрятаться!

– Я искал сестру! Она снова сбежала на стены!

«Тьма побери этих детей», – подумал Генри зло. Он вдруг почувствовал острую ненависть ко всем девочкам мира.

– Кто меня искал? Что там происходит?

– Там... Дракон.

Сердце Генри рухнуло, как он недавно со стены.

– Дракон, – повторил Генри глухо.

– И армия!

– И армия, – Генри кивнул. Сердце билось неровно, как будто оно тоже повредило себе что-то при падении. Джоэл смотрел на него сверху вниз, возбужденный, растрепанный, удивленный...

Генри торопливо заковылял к ближайшей лестнице. Он снова спешил – но теперь его гнала вперед мучительная необходимость убедиться самому, увидеть своими глазами... Джоэл бежал по галерее над ним и что-то торопливо говорил, про дракона и белую армию, про перемещения войск под стенами... Генри слушал, пытался понять, что мальчишка рассказывает ему, но слова сливались в торопливый стрекот, и смысл ускользал, и оставалось только одно слово, отпечатавшееся в мозгу своей невозможностью...

Он с трудом преодолел лестницу – каждая ступень казалась круче предыдущей, хотя он и переступал неловко мелкими шагами, отталкиваясь только левой ногой. Наверху ждал Джоэл, готовый дальше бежать, рассказывать, показывать, и Генри снова попытался успеть за мальчиком. На стенах становилось все оживленнее – теперь им встречались не только резервные группы у ворот, – и все вокруг говорили об одном и том же, передавали друг другу удивительную весть. Дракон, армия, королева, дракон, дракон...

Они вышли на открытый участок стены без галереи между Рейнгарскими и Новыми воротами – когда Генри понял, что дальше не может идти. Колено будто накачали расплавленным металлом, лодыжка на каждом шаге взрывалась болью. Генри оперся о парапет и выглянул наружу – но отсюда все еще не было видно ни армии имперцев, ни армии королевы. Он подзвал одного из лучников городской стражи и отослал его к Хадсону – пусть передаст, что с Дернбийскими воротами все в порядке, и что Генри до него, по всей видимости, не дойдет. Затем обратился к Джоэлу:

– Найди Ленни. Приведи сюда.

Мальчик кивнул и убежал.

Генри медленно сполз по стене. Кто-то проходил мимо него, кто-то несколько раз чуть не наступил на ногу, которую Генри вытянул перед собой. Некоторые, заметив герб, предлагали помощь – но Генри отказывался. Он не хотел никуда идти, ему было хорошо и здесь.

Прибегали люди от Южных ворот и рассказывали о неожиданном появлении дракона и армии, о том, как всадники в белых плащах напали на отряды имперцев, осаждавшие город, как дракон сеял хаос и панику среди кресской армии, как защитники города открыли ворота и тоже вступили в схватку. Часть имперцев сдалась в плен, остальные бежали, преследуемые конницей и драконом, и они победили, осада снята, все закончилось...

Генри прикрыл глаза. Внезапно вокруг раздались крики «наверху!», «скорей!», «вот он!» – но Генри не стал смотреть. Он уже знал. Он видел...

...как всадники в белых плащах врезаются в серую массу людей, облепившую землю под стенами города...

...как тяжелые ворота распахиваются, изрыгая ярость и месть...

...как солнце, прорываясь из-за душной пелены облаков, вспыхивает ослепительным светом на серебряных крыльях...

Защитники стен покидали свои места, бежали к Южным воротам, чтобы приветствовать королеву, въезжавшую в город со своей свитой. Генри слышал гул толпы, радостный, совсем не похожий на напряженный, пугающий шум битвы.

Он остался на стене один.

Послышались торопливые шаги, кто-то тронул Генри за плечо.

– Милорд.

Генри открыл глаза. Ленни склонился над ним, голубые глаза смотрели встревоженно и с легким укором.

– Почему вы не попросили никого вам помочь?

Генри слабо усмехнулся:

– Ленни, тут у всех хватало других забот, кроме идиота с разбитым коленом. Я даже кровью не истекаю. И вообще тут хорошо и удобно.

Ленни фыркнул:

– Вас все ищут, милорд. Уорсингтон встретил королеву в замке, упомянул ваше имя. Мне кажется, вам нужно там быть.

– Он знает про Гелленхорта?

– Да.

Генри снова прикрыл глаза.

Он не успел подготовиться к тому, что она здесь. Больше всего на свете он сейчас хотел немедленно увидеть Джоан – и боялся этого.

Боялся того, что увидит.

– Милорд, если хотите, я передам, что вы ранены, что не можете явиться...

Генри вздохнул и взглянул на слугу.

– Я не ранен. У меня разбито колено и подвернута нога. Ничего особенного.

– Тогда позвольте, я помогу вам подняться.

Отчасти Генри повезло – от Рейнгарских ворот до замка было ближе всего. Не повезло ему в том, что дорога на замковый холм, поднимавшийся над городом, вела круто вверх и состояла по большей части из ступеней. После первой трети пути он готов был сдаться. После второй – возненавидел все и всех, кто заставлял его подниматься по этим ступеням, включая

себя. Когда они дошли до площади перед входом в замок, Генри было уже все равно. Весь мир сосредоточился в безумной боли в ноге, настолько сильной, что он уже стал воспринимать ее как отдельную, почти разумную часть себя.

От входа в замок к дверям в тронный зал вела лестница. Большая, пологая – она осталась с тех пор, когда короли считали необходимым въезжать к себе домой верхом. Генри глухо выругался и начал подниматься. Ленни шел рядом, готовый подхватить, – но Генри казалось, что, стоит ему опереться, он потеряет всякую готовность идти вперед.

У входа в зал стоял караул, при виде Генри они поспешно распахнули высокие дубовые двери. Генри проковылял мимо – и остановился.

В зале было много людей. Некоторые, как Уорсингтон, в светской одежде – члены городского совета, крупные купцы. Однако большинство было в доспехах и белых плащах – лорды и рыцари без титула, как будто сошедшие с гравюры, излучающие силу, уверенность, победу...

Он увидел ее не сразу – белый плащ и кольчуга никак не выделяли ее в толпе. Королева стояла возле одного из высоких окон. Она обернулась, когда двери захлопнули за его спиной, и сделала несколько шагов навстречу Генри. Остановилась, сложив руки перед собой.

– Лорд Теннесси, – произнесла королева, и при звуке ее голоса все разговоры в зале мгновенно прекратились.

Королева Джоан спокойно смотрела на Генри.

И он понял, что они проиграли. Они с Сагром не справились. Не имело никакого значения, что к нему обращалась женщина, а не дракон, что ее глаза были ореховыми, а не желтыми. Они проиграли. Они потеряли Джоан.

– Моя королева, – Генри заставил себя ответить – потому что все вокруг ждали, что он ответит на ее приветствие. А затем медленно и осторожно, чтобы не упасть, он преклонил колено – вовремя сообразив, что ни в коем случае нельзя опускаться на правую ногу – и опустил голову, очень низко, пряча от всех лицо, чтобы никто не заметил ужаса и тоски, которые его при этом охватили.

Глаза и мысли

Первым желанием Генри, когда он проснулся, было бежать. Он лежал в кровати и смотрел на ненавистный каменный свод, и чем дольше Генри смотрел на него, тем сильнее становилось это желание. И тем очевиднее становилось, что бежать он никуда не может. Травмы ноги оказались серьезными, и Генри тихо застонал при мысли о том, что придется проводить день за днем в своей комнате.

Но это было не самым страшным.

Самым страшным было лицо королевы. Холодное, решительное, спокойное – и абсолютно чужое. Генри не имел ни малейшего представления о том, что за человек стоял перед ним – и только еле ощутимое присутствие дракона подсказывало, что королева действительно была той девушкой, которую он когда-то любил и которую столько времени искал.

Ну вот. Нашел.

Генри не знал, рад ли этому.

Он не занимал никакой должности при дворе, поэтому мог бы и уехать, если бы не нога, – но воцарение нового монарха означало уйму формальностей, в которых лорд Теннесси обязан был принимать самое непосредственное участие. Проще было остаться в столице и дожидаться Совета лордов и коронации.

Проще. Но совсем не просто.

Несмотря на запреты врача и Ленни уже полторы недели спустя Генри, опираясь на палку, ковлял по замку. Праздное шатание было немногим лучше сидения у себя в комнате – но так можно было хотя бы попытаться разобраться в том, что происходило при дворе. Уорсингтон, впрочем, снова стал его избегать – или же был просто слишком занят, – зато Бертрам отыскал сам. Генри смутно помнил, что тот служил в дознании еще при отце Джоан, но не был с ним лично знаком. Поэтому его особенно удивило, когда Бертрам, встретив его на галерее, радостно воскликнул:

– Теннесси! А я тебя искал.

Генри приподнял брови и вежливо поклонился. Бертрам ответил небрежным кивком.

– Королева назначила Высокий совет.

– Поздравляю, – ляпнул Генри, пытаясь понять, какое это может иметь к нему отношение, и одновременно удивляясь – если память ему не изменяла, Высокий совет выбирался на Большом совете, который еще не созывался.

– Хочешь узнать, кого она туда включила? – спросил Бертрам, одновременно протягивая Генри свиток. Тот отставил палку к перилам и развернул его. Начал читать список имен – Уорсингтон (первый лорд), Бертрам (дознание), Лексли (армия)...

А потом Генри дошел до последнего имени в списке. И тогда же понял, что имен в списке – тринадцать.

В Высоком совете всегда было двенадцать человек. И тринадцатый – монарх.

Монарх – а не лорд Теннесси.

Генри посмотрел на Бертрама поверх свитка. Тот ухмыльнулся.

– И что я делаю в этом списке? – пришлось постараться, чтобы голос звучал отстраненно.

– Числишься, – пожал плечами Бертрам. – Через две недели будет созван Большой совет, на котором королева представит Высокий. До тех пор можешь не нервничать и лечиться.

Генри протянул свиток Бертраму и взял палку.

– Благодарю за сведения, – бросил он и побрел прочь, проклиная ногу, из-за которой он не мог уйти как можно быстрее.

Большой совет собирался очень редко – главным образом потому, что собрать представителей всех пятидесяти шести родов, присягавших непосредственно короне, было довольно проблематично. Поэтому Совет созывали, когда один монарх сменял другого, а также в чрезвычайных случаях вроде объявления войны. После восшествия на престол брата королевы Совет не собирался – хотя страна оказалась втянута в нешуточный конфликт, случилось это несколько неожиданно для всех, а решения принимались в разных местах и чаще всего «по факту». Но теперь все вроде как возвращалось на круги своя. Королева вернулась в столицу, разбитая армия имперцев отступала, преследуемая лордом Лексли, к которому по пути на юг присоединялись внезапно воодушевившиеся южные лорды. На призыв явиться на Большой совет откликнулись почти все – даже те, кто в смутное время регентства Уорсингтона всерьез раздумывал о смене подданства. Более того, многие из них рассчитывали войти в Высокий совет – не зная о том, что королева все решила заранее.

Генри наблюдал за прибывающими в замок лордами, учтиво раскланиваясь со всеми, кто встречался ему во время шатания по коридорам. Народу становилось все больше – впрочем, библиотека по-прежнему пустовала в любое время дня и ночи. Генри, которому спустя пару дней осточертело любезно улыбаться, теперь большую часть времени проводил за чтением. Нога все меньше беспокоила его – если бы не нелепый список, он мог бы отправиться в Тенгейл сразу после Большого совета.

Но список существовал.

И Большой совет об этом еще не знал.

Генри несколько раз хотел прийти к королеве и лично попросить избавить его от такой чести. Он не представлял себе, что будет делать в Совете – его имя числилось безо всяких пояснений, будто его задача состояла в том, чтобы просто там быть.

И Генри там быть не хотел. Он ненавидел двор, королевский замок, а заодно и весь город, спасение которого слишком дорого ему далось. И не испытывал никакого желания день за днем смотреть в ледяное лицо королевы.

Но именно поэтому заставить себя поговорить с ней лично было невозможно.

Он не знал, как с ней теперь говорить.

В назначенный день Генри уже без трости приковылял в тронный зал и обнаружил там пеструю гудящую толпу. Пятьдесят три лорда – лорд Монтгомери и еще двое изменников, естественно, не явились. «Пятьдесят два», – поправил себя Генри, встречаясь взглядом с леди Денкрей, в девичестве – Гелленхорт. У Джеймса, насколько он знал, наследников не было.

Он медленно побрел к ней через зал, раскланиваясь и обмениваясь приветствиями с окружающими. Алисия оставила мужа и пошла ему на встречу.

– Леди Денкрей, – Генри склонил голову.

– Здравствуй, Генри, – ее грудной голос стал, кажется, еще ниже.

Он поднял взгляд. Алисия всегда была более округлой, чем ее брат – замужество и трое детей усилили это различие. Платье темно-вишневого бархата открывало ее полные плечи и подчеркивало высокую грудь, плотно охватывая широкую талию, завитые светлые локоны обрамляли спокойное лицо с мягкими правильными чертами.

– Я... – начал Генри – и запнулся. Сказать ей, что ему очень жаль? Глупо и грубо. Что она прекрасно выглядит? Безвкусная лесть. Даже если он действительно так думает.

– Не надо, Генри, – пришла ему на помощь Алисия. – Я знаю, как все произошло. Джим сам виноват. Как и отец тогда. Но это не отменяет того, что оба погибли по твоей вине.

– Я не хотел этого, – твердо сказал Генри, глядя прямо в ее карие глаза. – Ни тогда, ни сейчас.

– Я знаю, – она грустно улыбнулась. – Но это тоже ничего не меняет. И ни слова больше об этом, Генри.

Он кивнул и, после недолгой паузы, все-таки сказал:

– Ты чудесно выглядишь.

Она тихо рассмеялась и, ничего не ответив, вернулась к своему мужу. Генри плохо знал лорда Денкрея – они не были знакомы до замужества Алисии, а после тем более не пересекались, учитывая желание Генри держаться от Гелленхортов как можно дальше. Денкрей посмотрел на него, но взгляд этот был совершенно равнодушным.

«Надеюсь, они с Джимом не были близкими друзьями», – подумал Генри мрачно. – «Нового витка вендетты я не переживу. Причем, скорее всего, в прямом смысле этого слова».

Раздались звуки фанфар, и лорд Денкрей, как и все остальные, перевел свой взгляд на главный вход. Глашатай закричал:

– Джоан, королева Инландии, хранительница Нордейла, королева Верхнего Ина, княгиня Вирравии и Стет-энда!

Генри подошел чуть ближе, оказавшись во второй линии шеренги, которая выстроилась вдоль прохода от дверей к трону. Рост позволил ему заглянуть поверх головы лорда Ордея – и он увидел королеву.

Почему-то он думал, что она будет в платье. Генри помнил роскошное, красное с золотом одеяние королевы Иезавет, в котором видел ее как-то при дворе. И невольно представлял себе Джоан именно так.

На ней был строгий черный мужской костюм – камзол, штаны, высокие сапоги. Как и тогда, после победы, одежда королевы ничем не отличалась от одежды ее свиты – следом в зал вошли Уорсингтон, Бертрам, Эдвард Баррет и еще несколько человек – судя по беспристрастным лицам, подчиненных Бертрама. Королева стремительно прошла мимо лордов, склонивших головы в поклоне. Генри следил за ней исподлобья, и каждое ее безупречное, точное движение заставляло его внутренне вздрагивать. Она поднялась по ступеням к массивному, потемневшему от времени деревянному трону, но садиться не стала. Повернулась к толпе лордов, которая уже успела сомкнуться за ее спиной.

– Согласно традиции, – начала королева, – сейчас вы должны были бы выбрать Высокий совет. Но вы не будете этого делать.

По залу пронесся легкий ропот. Лицо королевы не дрогнуло.

– Мне все равно, кто из вас хочет быть в Совете и кого считает наиболее достойным, – продолжала королева. – Мне плевать на традицию. Я назначила совет сама. Из тех людей, которых считаю наиболее подходящими. Озвучьте имена, – бросила она глашатаю, которому Бертрам передал список.

– Это возмутительно! – крикнул лорд Рэккети в первом ряду. – Наше законное право – избрать Совет!

Зал откликнулся сердитыми возгласами одобрения.

– Законное право, – повторила королева, слегка усмехнувшись – тонкие губы зло изогнулись. – Лорд Рэккети, вам никто не рассказывал, что наличие прав подразумевает некоторые обязанности?

Она медленно спустилась к лордам. У Генри возникло нехорошее предчувствие, и он инстинктивно шагнул вперед, в первую линию.

Королева подошла к Рэкетти. Он был выше Генри и значительно шире в плечах, и королева казалась маленькой и хрупкой в сравнении, даже несмотря на свой рост. Внезапно она положила тонкую руку на плечо Рэкетти, слегка нажала – и тот упал, рухнул на колени перед ней.

– Права, – повторила королева, подходя к Рошпорту, стоявшему рядом с Рэкетти. Тот, по всей видимости, понял, что его ждет, и предусмотрительно опустился на одно колено сам.

– Священные права вассала, – она шла вдоль первого ряда, а лорды один за другим опускались перед ней. – Дарованные в обмен на верность королю. Где же вы были, верные вассалы, когда Крес захватил пол страны? Когда подошел к Риверейну? Когда мне пришлось с боем пробиваться к собственной столице?

Дойдя до дальнего конца зала, она развернулась – к этому моменту на коленях были все, кроме лордов, прибывших в столицу вместе с королевой. Они, верные и подтвердившие свою верность, держались особняком вместе с Уорсингтоном и Бертрамом и наблюдали за происходящим с отстраненным любопытством.

Генри стоял в толпе коленопреклоненных, как одинокое дерево посреди июльского луга. Он прозевал тот момент, когда рядом с ним все опустились – да и, сказать по правде, не смог бы преклонить колено, даже если бы очень захотел. А Генри не хотел. В конце концов, один раз он это уже проделал.

Королева медленно подошла к нему. Остановилась. Усмехнулась, но не зло, а будто признавая за ним право стоять перед ней. Он чувствовал силу и уверенность, исходившие от нее, заставлявшие остальных опускать голову.

А Генри вдруг отчетливо вспомнил девочку в сером платье. Девочку, которая заперла себя в башне, чтобы никому не навредить. Чтобы не стать драконом.

«Скажите, со мной все очень плохо?»

Он посмотрел ей в глаза, спокойные, ореховые, жесткие, внимательные – и в тот же момент они вспыхнули желтым. Мир поплыл, Генри заметил призрачные крылья и увидел...

...как солнце, срываясь с горных вершин, летит в долину, и листья деревьев, пронзенные светом, замирают на мгновение, несмотря на утренний ветер...

...как в зимнюю ночь северное сияние озаряет небо от края до края, не разрушая кристально чистой темноты, и звезды отмечают каждую отдельную точку бесконечности...

...как ветер, разгоняясь над гладью океана, врывается в берег, раскрывая неподвижной суше иные пространства и реальности...

Он силой заставил себя вынырнуть из видения, сосредоточиться на реальности, хоть та и распадалась на части. Шагнул вперед, слишком резко – колено взорвалось болью, – но Генри не обратил на это внимания. Он схватил Джоан за руку и с силой сжал, глядя ей в глаза, заставляя их погаснуть, превращая призрачное сияние несуществующих пока крыльев в ясное спокойствие простого солнечного света...

Королева вздохнула, моргнула – ее глаза снова были ореховыми, а на Генри навалилась такая чудовищная слабость, что он чуть не упал. Королева мягко отняла свою руку и отошла, велела лордам подняться, она говорила тихо и спокойно, как будто ничего не произошло, и вокруг Генри снова вырос лес тел. Он не видел и не слышал ничего вокруг. Кто-то подошел к нему, кажется Эд Баррет, и отвел в сторону, к одной из скамей, стоявших вдоль стены. Генри тяжело опустился, откинулся на холодную каменную стену, прикрыл глаза. В этот момент, кажется, глашатай прочитал его имя, тринадцатое в списке нового Совета – но Генри было совершенно все равно, как остальные лорды отреагировали на эту новость.

Он открыл глаза, потому что кто-то коснулся его плеча, осторожно и настойчиво одновременно. Это была Джоан. Она заставила Генри оторваться от стены, подняться и повела куда-то за собой. В голове сильно шумело, и он не сразу заметил, что они идут коридорам совершенно одни. Потом были ступени, которые из-за колена не заметить было нельзя, и наконец –

королевский кабинет, комната, которую он сначала не узнал, так сильно она изменилась с тех пор, как он бывал тут в последний раз. Джоан усадила его в одно из кресел, ушла куда-то в сторону необъятного камина и вернулась с двумя дымящимися кружками. Он сразу по запаху определил оба напитка – и именно это, простой запах заваренных трав, вдруг расставил все на свои места. Королева присела со своей кружкой на край стола и смотрела в окно, он оставался в кресле, грел руки о горячую керамику и смотрел на Джоан. Она была очень бледной – и очень настоящей. Королева обернулась к нему и покачала головой, мол, видишь, как оно бывает – и он слегка улыбнулся, мол, ничего страшного. Они пили и молчали, и в этом молчании было больше смысла, чем во всем, что они могли сказать друг другу. Молчание было честным. Молчание было искренним. Молчание говорило о том, о чем нельзя было сказать вслух.

Утром, настолько рано, что Генри досматривал второй сон и намеревался посмотреть как минимум еще столько же, Джоан пришла и разбудила его. Сначала он решил, что начался третий сон, и приготовился с интересом наблюдать за дальнейшим развитием событий – во сне оно могло быть весьма и весьма любопытным. Но после того как Джоан в третий раз громко позвала его и потрясла кровать, Генри окончательно открыл глаза и с удивлением посмотрел на нее. Она стояла над ним, серьезная и даже немного сердитая, и он сразу вспомнил, что точно так же она выглядела на маленькой кухне у Сагра, когда готовила, а он мешался под ногами. От этого воспоминания ему стало вдруг весело, и он потянулся и улыбнулся. Потом снова вспомнил про королеву и снова удивленно на нее посмотрел.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он, совершенно забывая о том, как полагалось обращаться к королеве. Она была Джо, они стояли на кухне... Она стояла у него в комнате. Генри тряхнул головой, окончательно просыпаясь. Джоан невозмутимо смотрела на него, но в уголках ее губ он заметил спрятанную улыбку и невольно задержал дыхание.

– Бужу тебя. Идем.

– Куда?

– Куда я скажу, – она наконец улыбнулась, и он заставил себя выдохнуть, потому что, улыбаясь, королева чем-то отдаленно напоминала ему Джо, и от этого у него что-то странно сжалось в районе солнечного сплетения.

– Действительно, глупый вопрос, – пробормотал он, садясь на кровати и протирая глаза. Начал медленно одеваться, думая про себя, что любой самый невероятный сон был бы правдоподобнее такого утра.

– А ты не подумала, – спросил Генри вдруг, – что могла меня застать тут, например, совершенно раздетым? Это все-таки моя комната.

«И дверь, насколько мне помнится, была заперта», – добавил он про себя.

Она усмехнулась:

– Не думаю, что открыла бы для себя что-нибудь новое. Или ты скрываешь под штанами хвост?

– Нет, – он натянул второй сапог, встал и подошел к ней. – В отличие от некоторых хвоста у меня нет.

Он мог ошибаться, но ему показалось, что, выходя из комнаты, она тихо смеялась.

Замок всегда начинал просыпаться снизу-вверх – поэтому рано утром две открытые галереи, огибающие верхний двор, были всегда совершенно пусты. Изредка проходил сон-

ный стражник, ожидающий, когда закончится его караул, да мальчик, отвечающий ночью за факелы, пробегал с колпаком, убирая все огни с первыми лучами рассвета.

Она снова привела его в кабинет. Во времена старого короля здесь стояло несколько шкафов с разными экзотическими напитками, которые король собирал и которыми спаивал всех дорогих сердцу гостей. Генри бывал здесь четыре раза, и всякий раз основательно пополнял свои знания об алкоголе и последствиях его употребления. Сам король пил немного, предпочитая говорить, пока его гость стремительно терял ясность взгляда и твердость ума. Вторым увлечением короля были географические карты, так что в его время практически все стены были увешаны ими, они лежали в свитках на стеллажах, были расстелены на столах и иногда даже лежали на полу.

Карты висели и сейчас, однако часть из них была убрана, чтобы дать место стеллажам с книгами. Книги были повсюду – кроме шкафов они лежали на столах, стульях и высились гигантскими стопками на полу. У Генри сложилось впечатление, что большая часть королевской библиотеки переехала сюда. Он заметил также небольшой закрытый шкафчик, от которого шел сильный аптечный запах. Стеллаж с разноцветными бутылками тоже был на месте, но его содержимое явно сильно подсократилось за последние беспокойные годы. Остались и несколько больших удобных кресел у камина, появившихся здесь еще во времена бабушки старого короля. Они были старомодны и уже много раз меняли обивку, но в свое время их ничем не заменили – и поэтому теперь эти кресла стояли, как семейная реликвия, набирая в цене при каждом следующем короле.

Джоан подошла к одному из столов, стоявшему у окна, и начала снимать с него книги, свитки, связки перьев и прочий хлам. Генри постоял в дверях, затем не выдержал и спросил:

– Зачем я тебе здесь?

Она подошла к нему со стопкой книг, и он вовремя подставил руки, чтобы их поймать.

– Сейчас сюда придут Уорсингтон и Бертрам, – и все утро мы посвятим нуднейшим разговорам о судьбах мира, а потом отправимся на Высокий совет, чтобы обсуждать все то же самое.

– И? Ты боишься, что можешь их съесть?

– Очень даже может быть, – пробормотала она, возвращаясь к столу.

Генри молча стоял с книгами в руках. Она, вероятно, почувствовала спиной вопрос, звучащий в этом молчании, и медленно обернулась:

– Ты был вчера там, – пояснила Джоан.

– Да, – кивнул Генри. Он все еще держал книги, и один из переплетов больно впивался уголком в руку.

– Я не могу позволить, чтобы это повторилось. Раньше мне казалось, что я способна контролировать себя – но я, по-видимому, ошибалась. Так что мне нужен кто-то, кто сможет контролировать меня.

Руки затекали под тяжестью книг.

– У меня нет никого, кроме тебя, – сказала Джоан тихо. – Никого, кто мог бы стать таким человеком, – добавила она, потому что первая фраза сама по себе была слишком близка к истине, чтобы ее можно было произносить вслух.

Генри молчал, а внутри постепенно разливалось беспомощное сумасшедшее отчаяние – потому что теперь он точно никуда не мог от нее сбежать. А она стояла, холодная и спокойная, совершенно чужая, с тонкими руками, о которых он знал все и которые творили невесть что все эти годы, и, хотя он не мог сейчас видеть родинку под правым ухом, он все равно знал, что она там.

– Ты останешься? – спросила Джоан тихо. Он сухо кивнул, и она отвернулась.

«Чертова семья, – подумал Генри. – Чертова семья садистов, которые обладают неподражаемым талантом обращаться с просьбами так, что ты не можешь им отказать. Даже зная,

что потом будешь жалеть всю свою жизнь. Может, они специально их придумывают? Может, какой-нибудь мой прапрадедушка сумел здорово насолить королевской семье, и теперь они мстят мне за все предыдущие поколения рода?»

– Что нужно сделать с этими книгами, Джоан? – бросил он ей в спину.

– Поставь их на нижнюю полку шкафа, который сзади тебя. Нет, не этот, правее. Вот так. Спасибо.

Комната, в которой заседал Высокий совет, была темной, пыльной и мрачной. Закопченные гобелены изображали великие события истории, но грязь и чад сделали свое дело – история погрязла во тьме, а от самих событий остался лишь тусклый блеск золотой нити, вспыхивающей в полумраке призраком былого величия.

Вокруг массивного стола, блестящего полированной гладью широких досок, стояло четырнадцать стульев. Тринадцать из них было занято – пустовало лишь кресло с одного конца. Его спинка возвышалась над остальными, и подлокотники хищно тянулись к столу.

Генри, чье место было на другом конце стола, мрачно поглядывал на кресло напротив. Он очень смутно представлял себе свою роль на этих заседаниях. Встреча с Уорсингтоном и Бертрамом в кабинете королевы прошла именно так, как он и думал – большую часть времени Генри ощущал себя мебелью, и никто из присутствующих, включая королеву, не пытался убедить его в обратном.

Он был уверен, что сейчас все будет точно так же.

Лорды по обе стороны стола изредка поглядывали на Генри – с любопытством и недоверием одновременно. Вопрос, что он тут делает, казалось, висел в воздухе – и, несмотря на разговор с Джоан, у Генри не было на этот счет убедительного ответа.

– Пользуясь отсутствием королевы, – внезапно подал голос Бертрам, повернувшись к Генри, – я хотел бы обсудить с тобой одну проблему, Теннесси.

Генри вопросительно поднял брови. Бертрам улыбнулся. Он вальяжно развалился на стуле, сложив руки на животе.

– Я про то, что наша королева... Не совсем обычная королева.

– Ах.

– Да. Она имеет обыкновение время от времени превращаться в огромное чудовище. Нам бы хотелось уточнить у... специалиста, как часто может происходить это время от времени. Она ведь поэтому тебя оставила здесь?

– Понятия не имею, – спокойно ответил Генри.

– Значит, слухи ошибочны? Ты не учишься говорить с драконами?

– Учился. Но я понятия не имею, как часто она может превращаться. В теории катализатором могут быть любые сильные эмоции. Но это в теории.

Уорсингтон нахмурился. Бертрам внимательно изучал лицо Генри.

– Ты всегда можешь ее остановить?

– Не знаю. Боюсь, я не могу даже толком объяснить, каким образом мне удастся это сделать. Не уверен, насколько здесь играют роль мои знания в области драконов, а насколько...

– Знания в области королевы?

Генри пристально посмотрел на лорда дознания. Бертрам был серьезен.

– Что ты имеешь в виду?

– Брось, Теннесси. Уже все говорят об этом, так что можно перестать изображать из себя невинность.

Генри спрятал усмешку в ладонь. Отчасти потому, что усмешка была довольно горькой.

– Бертрам, а ты бы рискнул спать с женщиной, которая от сильных эмоций может превратиться в дракона?

– Нет, не рискнул бы, – прозвучал от дверей тихий и отчетливый голос. – У него хорошо развито чувство самосохранения.

Лицо Уорсингтона стало серым. Бертрам издал тихий неопределенный звук, больше всего похожий на сдавленное утиное кряканье. Остальные лорды опустили глаза и уставились на стол. Генри почувствовал, как медленно превращается в каменную статую.

– А теперь, – продолжала королева, опускаясь в свое кресло, – если вы закончили с обсуждением моей интимной жизни, я предлагаю перейти к более важным и насущным проблемам. Итак...

Заседания Совета происходили раз в три дня. Чем больше Генри присутствовал на них, тем больше чувствовал, что он все-таки мебель, причем мебель довольно бесполезная. Никто не спрашивал его мнения – да Генри и не был уверен, что оно может представлять хоть какой-нибудь интерес. Однако притворяться молчаливым истуканом, изо всех сил стараясь не повторять позу королевы, – а что поделать, если Генри всегда сидел, закинув ногу на ногу и подперев голову рукой?! – это было выше его сил. В конце концов Генри решил, что раз его присутствие на совете никому не важно, то и отсутствия никто заметит.

Заметили. Бертрам не стал утруждать себя личной беседой – на следующий день после пропущенного заседания Генри получил от него короткую записку:

«Не заставляй меня еще отвечать на вопрос, где Теннесси. Мне не понравилось».

С тех пор Генри присутствовал на всех заседаниях Совета, впрочем больше не утруждая себя менять позу. Он по-прежнему не считал свое присутствие обязательным – но Джоан оно почему-то было необходимо.

А пару недель спустя Генри наконец понял почему.

– Это исключено, – бубнил Уорсингтон. – Мы не можем брать приступом Уэйд.

– Это единственное решение, которое не выставит нас полными идиотами, – фыркнул Бертрам.

Лексли бормотал про уязвимость позиций и плохую погоду. Конноли вставлял мягкие намеки о внешнем долге. Сазерленд все пытался вставить пару слов о финансировании образования – но его никто не слышал.

Королева молчала, подперев голову и проводя пальцами по губам. Генри, внимательно наблюдавший за ней на каждом совещании – благо это вроде как входило в его прямые обязанности, – заметил, что лицо Джоан становится все более жестким.

– Господа, – позвала королева тихо – но, видимо, она немного опоздала с мягкими увещеваниями. Лорды уже не слышали ее – Бертрам орал на Уорсингтона, что тот своей осторожностью уже один раз угробил страну, Уорсингтон ядовито парировал, что страна вполне жива, а вот некоторые точно угробят ее, если будут продолжать в том же духе.

Королева прищурилась и выпрямилась. Генри тоже сел ровно. Он видел нехороший желтый блеск в ее глазах – и, что еще важнее, начал видеть картины, совсем не похожие на зал Совета.

По-хорошему, ему нужно было встать и подойти к ней – но Генри понимал, что это привлечет ненужное внимание, которого королева изо всех сил старалась избежать. Поэтому он только тихо позвал:

– Джоан.

Она посмотрела на него. Глаза были желтыми. Генри сосредоточился, не отрывая взгляда, успокаивая картины в своей голове и возвращая на их место обыденную реальность. Он догадывался, что Джоан при этом испытывает не самые приятные ощущения – она поморщилась, но в глазах еще оставались желтые искры, и Генри позвал снова, громче и настойчивее:

– Джоан!

Генри не заметил, что все вокруг замолчали и с удивлением смотрят на него.

Глаза королевы были ореховыми и уставшими.

– Лорд Теннесси, – обратилась она к нему с легкой усмешкой, – а вы что думаете про осаду Уэйда?

Если бы стол Совета был кораблем, он бы резко накренился, поскольку весь вес сместился в сторону Генри. Тот был слишком увлечен обездракониванием королевы, чтобы оценить ситуацию со стороны – то, что он при всех назвал ее по имени, то, что она обратилась к нему за советом. Но удивленная тишина, последовавшая за вопросом, и две дюжины глаз, уставившиеся на Генри с подозрением, подсказали ему, что крен надо срочно исправлять.

– Я думаю, моя королева, – медленно начал Генри, – что Уэйд нужно взять.

Вес слегка сместился в сторону довольного Бертрама, но корабль все равно кренился на один борт.

– Однако это можно сделать без применения силы, – продолжил Генри. – Город хочет независимости – можно пообещать ему особый статус.

– Какой? – нахмурилась королева.

– Университетского города? – предложил Генри.

Бертрам усмехнулся и покачал головой. Уорсингтон мрачно, но довольно спокойно вздохнул. Лорд Сазерленд удовлетворенно молчал.

Королева долго смотрела на Генри. Затем кивнула.

– Уорсингтон, запиши... – начала она. Дальше Генри не слушал – он откинулся на спинку кресла и украдкой провел рукой по лбу, вытирая испарину.

Больше Генри не чувствовал себя ненужным. Он продолжал следить за Джоан, за ее глазами и мыслями. Время от времени к нему обращались с вопросом – тогда Генри отвечал. Он не считал, что особо разбирается в политике или управлении, и просто высказывал то, что казалось ему наиболее разумным. Иногда Совет соглашался с ним, иногда нет – но Генри не особо это волновало.

Его работой были глаза и мысли Джоан.

Просто так

Генри пребывал в состоянии хрупкого и неустойчивого равновесия. Нельзя сказать, чтобы он был совершенно счастлив – слишком многое вокруг было далеко от совершенства – но, по крайней мере, Генри не испытывал постоянного желания как можно скорее исчезнуть из Риверейна.

Он снова много времени проводил в библиотеке – с особым упорством стараясь отыскать ценные и любопытные экземпляры, которые королева еще не успела перевезти в свой кабинет. Он не знал, следит ли она за ним, – но некоторые тома исчезали с полок библиотеки на следующий же день после того, как Генри принимался их читать. Он невозмутимо брал следующую книгу – заранее зная, что в следующий раз увидит ее уже в королевском кабинете. Однажды он не выдержал и, оказавшись у королевы, отыскал нужный том и забрал его себе, бросив спокойно «я еще не дочитал». Королева ничего не ответила – но на следующий день книга все еще была в библиотеке, и Генри решил, что на этот раз выиграл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.